

© 2004 г. В.А. ГУРЕЕВ

ЯЗЫКОВОЙ ЭГОЦЕНТРИЗМ В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЗНАНИЯ

"... язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время".

(Ю.Д. Апресян)

В последние десятилетия в лингвистике при исследовании вопросов функционирования языка все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании концептуальной картиной окружающей действительности.

Обращение к субъективному фактору происходит на фоне радикальных изменений в языкознании, переосмысления теории и практики лингвистических исследований на базе "новой интегральной парадигмы знания", которая является функциональной по своей общей направленности (см. [Кубрякова 1995: 230]). Особенность вышеуказанной парадигмы состоит также и в том, что она сочетает в себе коммуникативный и когнитивный подходы в научно-исследовательской языковой практике, то есть ориентируется на изучение функционально-коммуникативных аспектов естественного языка, использование когнитивных методов при анализе последнего как средства организации, обработки и передачи информации.

Одной из основных установок современной лингвистики наряду с экспансионизмом, неофункционализмом и экспланаторностью является антропоцентризм. Ему посвящены многочисленные научные публикации (см., например, одну из первых работ по данной теме - коллективную монографию Института языкознания АН СССР "Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира". М., 1988). Антропологический принцип все больше признается в качестве методологической основы научных исследований. Его суть заключается в том, что "научные объекты, - как подчеркивает Е.С. Кубрякова, - изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели" [Там же: 212].

Антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о смене приоритетов, о переходе от лингвистики традиционной с ее доминирующим вниманием к языковым формам, рассматриваемым вне связей с разнообразными аспектами бытия языка, к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом.

В языке находит отражение особое представление о мире, "схваченное" со стороны субъекта сознания, и заключающееся, прежде всего, в том, что репрезентация мира, его концептуализация и категоризация (или же, иными словами, восприятие и обработка поступающей, равно как и уже имеющейся информации) зависят от ряда чисто субъективных факторов, таких, как, например, уровень компетентности, точка зрения на предмет анализа и т.д. Асимметрия между концептуальной картиной мира,

создаваемой индивидуумом, и онтологической является, по своей сути, непреодолимой в силу все тех же субъективных моментов. В то же время она предполагает определенную градуальность, различную степень субъективности (или же объективности) всего воспринимаемого (см. [Langacker 1991: 315-342]). Репрезентация информации в памяти человека, как отмечают представители когнитивной психологии, не является точным воспроизведением реальной жизни. "Наиболее очевидно то, - пишет Р. Солсо, - что наши представления о мире не обязательно идентичны его действительной сущности. Конечно, репрезентация информации связана с теми стимулами, которые получает наш сенсорный аппарат, но она также подвергается значительным изменениям. Эти изменения, или модификации, очевидно связаны с нашим прошлым опытом, результатом которого явилась богатая и сложная сеть наших знаний" [Солсо 1996: 43].

Благодаря когнитивным исследованиям появляется все больше оснований полагать, что именно категории мышления человека определяют категории языка (более двух с половиной тысяч лет тому назад такое предположение было сделано Аристотелем). Как подчеркивает Р.И. Павиленис, "естественный язык хотя и характеризуется определенной синтаксической системой, которая выявляется посредством различных формализмов, но не представляет собой определенной концептуальной системы, а является средством их построения и символического представления" [Павиленис 1983: 263]. Важно подчеркнуть, что концептуальный мир, существующий в сознании человека в обобщенном виде (в форме концептов, фреймов, сценариев, различных схем действий и т.д.), формируется как с помощью языка, так и без него. Иными словами, не вся информация, воспринимаемая с помощью органов чувств, равно как и уже обработанная нейронными структурами мозга, имеет языковую привязку. Причины данного явления определяются психофизиологическими и социальными факторами. В своей теории когнитивного развития Л.С. Выготский обращает внимание на то, что мышление и речь имеют независимое происхождение. При этом мышление детерминировано биологически, а речь детерминирована социально. "Слияние мышления и речи, - отмечает ученый, - есть частичное явление, имеющее силу и значение только в приложении к области речевого мышления, в то время как другие области неречевого мышления и неинтеллектуальной речи остаются только под отдаленным, не непосредственным влиянием этого слияния и прямо не стоят с ним ни в какой причинной связи" [Выготский 1996: 109]. Концептуальный мир является более объемным, а стало быть, более сложным явлением, нежели мир языковой. Язык же, будучи одним из основных атрибутов человека, естественно, не может не отражать в своей системе антропологических "следов", о чем красноречиво свидетельствуют данные исследований в когнитивной лингвистике. Если структурализм середины прошлого века стремился при изучении языковых элементов к универсализации структурных принципов, деантропологизации языка, то когнитивная лингвистика конца XX - начала XXI века как важнейшая составная часть когнитивной науки, наоборот, основной акцент делает на особой роли человека, рассматривая его в качестве исходного пункта в анализе языковых явлений.

Таким образом, в основе процесса антропологизации лингвистики лежит осознание того, что язык "создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться" [Степанов 2002: 15].

На фоне возрастающего интереса к роли субъективного (человеческого) фактора в языке начинают все отчетливее вырисовываться контуры **эгоцентрической теории языка** с центральным для нее понятием я. В ее основе лежат такие функциональные аспекты языковых форм, которые ориентированы на субъекта речи и, в первую очередь, на его я. Однако прежде чем продолжить разговор о теории языкового эгоцентризма, необходимо, хотя бы в самых общих чертах, обратиться к истокам вопроса.

Понятие я (или же, в терминах современной науки, концепт я) является одним из наиболее сложных и противоречивых в системе знаний о человеке. В лингвистику оно перекочевало из философии и психологии, где на протяжении долгого времени было в центре внимания исследователей как на Востоке, так и на Западе. Достаточ-

но, в этой связи, упомянуть индийскую философию (упанишады, буддизм, системы ньяя и санкхья, взгляды Шанкары и Рамануджи и т.д.) (см. [Радхакришнан 1994]), философские теории таких представителей западноевропейской философской мысли как И.Г. Фихте (1762-1814), Л. Фейербах (1804-1872), Э. Гуссерль (1859-1938) и многих других.

У я как сущности идеальной есть одна главная функция - быть субъектом познания (чувственного, рационального, эмпирического и теоретического). Сам процесс познания возможен лишь при условии неизменности сущностного я, его устойчивости при постоянных изменениях внешнего мира, при условии сохранения тождества я человека самому себе, своему самосознанию. В основе этого процесса лежит противопоставление я - не-я. Последнее (то есть не-я) включает все, что созерцается, являясь объектом восприятия для я. То, что выступает как я, часто рассматривается в качестве души, свободной от всех объективных, эмпирических элементов. Между я и внешним миром находятся мозг, тело индивидуума. С помощью последних я воспринимает и осмысливает его. Традиция несведения я к телу, к их разграничению и даже противопоставлению (определяемая в современной психологии как *body-mind problem*) глубоко коренится в истории философии. Поскольку тело служит обиталищем я, являясь чем-то внешним по отношению к нему, то одновременно оно может также служить в качестве ближайшего объекта познания для я. Мозг с его обширной информационно-перерабатывающей инфраструктурой рассматривается тогда в качестве инструмента, позволяющего я приобретать телесный, чувственно-наглядный, сенсорно-моторный опыт и классифицировать его.

Взаимосвязь между я и телом носит сложный характер. Когнитологи (о взглядах которых по данному вопросу речь пойдет ниже), в частности, обращают внимание на то, что разум человека выступает в телесной ипостаси, то есть имеет материальную природу, будучи воплощенным в особую нейронную сеть мозга. Да и само я (*self*), по их мнению, не настолько "идеально", как его трактует философская традиция.

Осуществляя познавательную деятельность, я может быть как субъектом восприятия, равно как и субъектом (агентом) деятельности, в том числе и речевой. При этом созерцающему я доступны не только перцептивно воспринимаемые внешние события; ментальная деятельность также вполне поддается наблюдению в интроспекции и служит, стало быть, объектом этого наблюдения. Я представляет собой не только субъект, но и объект познания. Важно подчеркнуть, что когда я выступает в роли субъекта (агенса) деятельности, то параллельно с ней оно выполняет функцию восприятия своей собственной активности, рассматривая ее как бы со стороны. В последнем случае происходит темпоральное дистанцирование (отчуждение) объективированного я от я неизменного как субъекта восприятия, то есть в сознании человека «существует т. н. истинное "я" (архетипическое, составляющее глубинный инвариант личности), и выработанные в процессе биологического и социального существования "обыденные" репрезентации "я"» [Берестнев 2000: 7]. В контексте вышесказанного первое "я" можно считать временным (темпоральным, эмпирическим), второе же - атемпоральным (панхроническим). Сам же процесс отчуждения объективированного я можно представить в виде формулы Я → Я1 ...Я2 ...Я3 и т.д. *ad infinitum*. Как писал Б. Рассел, "человек есть нечто отдельное не только по отношению к другим людям, но и по отношению к своему собственному прошлому и будущему" [Рассел 2000: 91].

Точкой отсчета (иногда обозначаемой термином *hic et nunc*) является не просто какой-то абстрактный человек, его индивидуальное я. Мир предстает как объект восприятия, как среда пребывания моего я. Через "окна" чувств я воспринимаю окружающий мир, категоризуя и концептуализируя его. Субъектом восприятия являюсь я сам, мое я.

Среди лингвистических средств выражения концепта я, так называемых эгоцентрических языковых единиц (имен собственных, лексических и грамматических средств, ориентированных на передачу мыслей человека о самом себе), на первом месте, несомненно, стоит местоимение я. В обширной языковедческой литературе оно неизмен-

но рассматривается в ряду слов, замещающих существительное, одно или несколько именных словосочетаний, как одно из средств экономии в языке (см., например [Viber 2000: 70; Crystal 2001: 210]). Тем самым подчеркивается в том числе и вторичность местоимения я, равно как и других местоимений. Подобная точка зрения, в значительной степени характерная для лингвистики традиционной, вызывает сильные сомнения. Конечно, в данном случае термин местоимение под влиянием греко-латинской грамматической традиции продолжает рассматриваться с позиций этимологии: *proponen* = вместо имени. Однако большинство лингвистов все же обращает внимание на то, что в отличие от знаменательных слов местоимения не называют объекты, их свойства, количество и т.д. непосредственно, а лишь указывают на них благодаря своему функциональному дуализму, то есть способности соотноситься со своим референтом дейктически и анафорически. При этом местоимение я указывает на субъекта речи. Еще В. Гумбольдт отмечал, что местоимения должны быть первичными в любом языке и "представление о том, что местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего я" [Гумбольдт 1984: 113, 114].

Подобное "противопоставление" я всему тому, что определяется как *не-я*, в наиболее очевидной форме и проявилось в учении о языковом эгоцентризме. Его обычно связывают с работами К. Бюлера, Б. Рассела, Р. Якобсона, Э. Бенвениста, Д. Лайонза, Ю.С. Степанова и др.

Анализ ситуации речевого общения предполагает маркирование непосредственного субъекта речи, равно как и субъекта восприятия речи, я и ты (в терминологии К. Бюлера). Местоимения я и ты, по его мнению, используются не для обозначения отправителя и получателя речевого послания (для подобного обозначения, как он полагает, прибегают к именам), а лишь для указания на исполнителей этих ролей [Бюлер 1993: 105]. К. Бюлер разработал теорию двух полей - указательного и символического. Первое есть не что иное, как "предпочтительная техника наглядного языка, сама ее суть". В нем все дейктические элементы языка получают семантическое содержание. Способы указания, как отмечает лингвист, разнообразны: здесь и наглядная демонстрация *ad oculos*, анафорическое употребление указательных слов в "речи, отвлекающейся от ситуации", а также дейксис к воображаемому (*deixis am Phantasma*) [Там же: 75]. Что же касается назывных слов, то они, в отличие от указательных слов (или же "сигналов"), функционируют как символы, получая семантическое наполнение в "синсемантическом внешнем поле". Последнее он и предложил называть символическим полем. В разработанной им системе координат субъективной ориентации, "во власти которой находятся и будут находиться все участники общения", главными являются три указательных слова, а именно - *здесь*, *сейчас* и я [Там же: 94]. Они помещаются в исходную точку координат *origo*:

Субъект речи и субъект восприятия речи (или же отправитель и получатель) постоянно существуют в данной системе координат субъективной ориентации и благодаря ей понимают жесты и другие "средства наглядного указания". При этом дейксис к воображаемому использует, даже в случае с воображаемым временным и пространственным перемещением, то же самое указательное поле и те же самые указательные слова, как и в случае наглядного указания [Там же: 136]. И этот вывод представляется весьма важным для понимания динамики воображаемого перемещения во времени и пространстве. "Где бы мы в речи не указывали на воображаемое, идет необычайно

тонкая и еле уловимая нами, взрослыми, игра перемещений", - пишет он. "Скажем, героя посылают в Рим, и автор стоит перед выбором, должен ли он продолжить словом *там* или *здесь*. Там он целый день слонялся по Форуму, *там...*". С тем же успехом, подчеркивает он, можно было бы сказать *здесь*. Читатель (или слушатель), по его мнению, осуществляет обзор из точки своего восприятия или какой-либо воображаемой точки так же легко и незаметно, как он осуществляет указание прошедшего или будущего времени индоевропейских языков или из своего наглядного *сейчас*, или из некоторой другой фиксированной точки воображаемой оси [Там же: 125,126].

Важно отметить, что в данном случае мы имеем дело с противопоставлением первичного дейксиса (то есть дейксиса диалогического общения) и вторичного, нарративного, непосредственно не связанного с ситуацией общения и характерного для пересказов, художественного повествования. Конституирующее свойство последнего, по мнению Ю.Д. Апресяна, заключается в том, что место говорящего не совпадает с пространственной точкой отсчета [Апресян 1997: 276]. Пример с наречиями *там* и *здесь* показывает, что при вторичном, нарративном дейксисе или же, пользуясь терминологией К. Бюлера, при дейксисе к воображаемому вышеуказанные наречия, являющиеся, по сути дела, "пространственными" антонимами, вполне могут рассматриваться в качестве синонимов.

По сравнению с К. Бюлером, у Б. Рассела перечень типичных языковых эгоцентриков значительно расширяется. В разряд основных эгоцентрических слов, то есть слов, "значение которых изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве", он относит *я*, *это*, *здесь* и *теперь*. Сюда также относятся глагольные формы, изменяющиеся по временам, слова *близко* и *далеко*, *прошлое*, *настоящее* и *будущее* [Рассел 2000: 87]. Иначе говоря, эгоцентрическими считаются все слова, которые обладают дейктическими свойствами и интерпретация которых в обязательном порядке предполагает фигуру субъекта речи и, прежде всего, его *я*.

Дальнейшее развитие теории языкового эгоцентризма получает в исследованиях Р. Якобсона, в частности, при анализе шифтеров. Под последними он понимает класс языковых единиц (местоименных, глагольных), которые выражают связь сообщения (message) с речевым актом, то есть с субъектом речи и субъектом восприятия речи. Соответственно, общее значение шифтеров не может быть определено (в отличие от других компонентов языкового кода) без обязательной ссылки на данное сообщение. Основная функция шифтеров как раз и заключается в конкретизации ситуации языкового общения с ее участниками. Говоря о семиотической специфике шифтеров, Р. Якобсон (вслед за Берксом) приводит еще одно очень важное обстоятельство, которое, как представляется, до сих пор не получило в лингвистике должного внимания, а именно: шифтеры совмещают в себе функции двух типов знаков - символических и индексальных, а потому и относятся к классу "индексных (или индикативных) символов". В частности, знак *я* не может обозначать свой объект, не будучи соотношенным с ним по "условно принятому правилу"..., из чего следует, что *я* - это символ. С другой стороны, "знак *я* не может обозначать свой объект, не находясь с ним в реальной связи: слово *я*, обозначающее говорящего, реально связано с высказыванием и, следовательно, функционирует как индекс" [Якобсон 1972: 97]. Таким образом, личные местоимения, как класс индексальных символов, представляют собой сложную категорию, "лежащую на пересечении кода и сообщения" [Там же: 98].

Анализ словесных знаков, в том числе шифтеров, позволил Р. Якобсону в дальнейшем сделать важный вывод о расплывчатости границ между тремя классическими типами знаков (предложенными в 1867 году Ч. Пирсом), вывод о различной иерархии типов отношений между *signans* и *signatum* в вышеуказанных знаках и, как следствие, - о существовании промежуточных вариантов знаков, таких как символично-иконические, иконическо-символические и т.д. (см. [Якобсон 1985: 322]). Идеи, высказанные Р. Якобсоном относительно шифтеров, ценны для лингвистики, прежде всего, тем, что они позволили углубить представления об эгоцентрическом факторе в языке, расширив дейктическое поле естественного языка, в частности, не только за счет

лексических единиц, но, в том числе, и за счет грамматических категорий, таких, как, например, глагольные категории времени, наклонения, лица и т.д.

Еще более определенно относительно номенклатуры дейктических единиц языка высказывается Э. Бенвенист. Все указатели дейксиса, такие как указательные местоимения, наречия, прилагательные, отражая временные и пространственные отношения вокруг субъекта, находятся, по его мнению, в зависимости от я, высказывающегося в данном акте [Бенвенист 2002: 296]. Подчеркивая особый статус личного местоимения я в системе языка, его отличие от других языковых знаков, он относит его к разряду "пустых" знаков, «свободных от референтной соотнесенности с реальностью, всегда готовых к новому употреблению и становящихся "полными" знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи» [Там же: 288]. Основную функцию этих знаков он видит в том, чтобы способствовать обращению языка в речь. Я, будучи мобильным знаком, присваивается себе говорящим на момент речи. Более того, обозначая себя как я, говорящий таким образом "как бы присваивает себе язык целиком". Забегая немного вперед, скажем, что данная мысль нашла свое развитие в теории дектики, разработанной Ю.С. Степановым.

Э. Бенвенист отделяет я и ты как личные местоимения, ничего не замещающие в речи, от неличного местоимения третьего лица (он), полагая, что последнее является субституирующим элементом для полнозначных слов, прономинальным, то есть обладающим объектной референцией. Рассматривая третье лицо как не-лицо, как противопоставляемое двухчленной парадигме я-ты, он, таким образом, выводит его из категории лица. Иными словами, *лицо* определяется лишь при наличии диалогического условия, ситуации "двусторонней субъективности" [Там же: 294, 300]. Что же касается местоимения я, то (в отличие, например, от имен, которые всегда имеют устойчивую референцию с постоянным и объективным понятием, виртуальным или же актуализированным в речи) "речевые акты употребления я не образуют единого класса референции, так как объекта, определяемого в качестве я, с которым могли бы идентично соотноситься эти акты, не существует. Каждое я имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности" [Там же: 286].

Следует подчеркнуть, что подобная характерная черта местоимения я является, в определенной степени, отражением специфики класса местоимений в целом. В отличие от существительных, прилагательных, глаголов местоимения ничего не именуют, являясь носителями дейктической функции. Как отмечает Н.Ю. Шведова, они лишь "означают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы". Система местоимений означает и осмысливает общие понятия о "времени, пространстве, живом существе, предмете, явлении, признаке, количестве, способе осуществления чего-нибудь, а также об элементарных связях и отношениях между данностями реального мира и его познания". Все эти общие понятия передаются исходными местоимениями (или местоименными исходами - по терминологии автора), такими как - *кто, что, ней, какой, каков, когда, где, куда, откуда, докуда, сколько, насколько, который* и т.д. При этом смысловыми компонентами структуры категории *кто* являются такие местоимения, как я, ты, он (она, оно), мы, вы, они, сам (сама, само), сами, себя. Более того, местоимения, как "арсенал смысловых абстракций", стоят, по ее мнению, над всеми другими классами слов, находясь вне существующей системы частей речи именно в силу того, что вступают в противоречие с частеречной формальной унификацией [Шведова 1998: 7-8, 11, 13].

Рассмотрение местоимений (в том числе и местоимения я) в качестве "пустых" знаков, лишенных лексического значения вне контекста, является далеко не бесспорным, хотя для такой точки зрения, разумеется, существуют веские причины. И они неоднократно приводились в лингвистической литературе по данному вопросу. На три из них, в частности, указывает О.Н. Селиверстова: а) местоимения не характеризуют объект на основании присущих ему свойств; б) местоимения не имеют по-

стоянной денотативной отнесенности, что позволило причислить их к классу шифтеров (О. Есперсен, Р. Якобсон); в) "значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через соотношение с элементами предшествующего или последующего контекста, ...в их значении есть что-то еще, что при этом не удастся определить" [Селиверстова 1988: 29, 30]. Говоря о наличии значения у местоимений как знаков особого типа, О.Н. Селиверстова подчеркивает, что каждое из них несет свою информацию, не зависящую от контекста. Так, "местоимение я всегда показывает, что актант ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему" [Селиверстова 1988: 29, 50, 51, 144].

Небезынтересно отметить, что обращение к такой традиционно лингвистической категории как личность при описании местоимения я является весьма симптоматичным и свидетельствует о том, что данное местоимение имеет особый, уникальный статус в языке, что к нему не применимы в полной мере классические схемы языкового анализа, выработанные в лингвистике. Уникальность местоимения я заключается, прежде всего, в том, что по своей семантике оно дуалистично, отражая две сущности одной личности - наблюдателя (субъекта восприятия, созерцания) и деятеля (субъекта деятельности, в том числе речемыслительной). Оно не просто стоит над всеми другими классами слов, "находясь вне существующей системы частей речи", а является исходным пунктом ее построения. В диаде я - не-я именно категория не-я представлена дифференцированно, именно в ее сфере находится частеречная система языка.

По мнению Дж. Лайонза, типичная ситуация высказывания эгоцентрична: «по мере того, как роль говорящего в речи переходит от одного участника к другому, переключается "центр" дейктической системы (I "я" используется каждым говорящим для указания на самого себя, а You "ты", "вы" - для указания на слушающего)» [Лайонз 1999: 292]. К этому следует добавить, что эгоцентрична не только ситуация высказывания, но также и сам процесс восприятия этой ситуации. Ориентация лишь на одну фигуру говорящего как на субъекта речи, на его я не дает возможности адекватно интерпретировать речевую ситуацию.

В тех случаях, когда повествование (устное или письменное) идет от лица автора, его я служит объектом восприятия. Воспринимающий может ассоциировать себя с авторским я, а может и не делать этого. Его я совмещается с я автора речи, если их эмпирический опыт близок (и в этом случае авторское я становится уже субъектом восприятия). И, наоборот, идет дистанцирование я воспринимающего от я автора, если повествование по каким-либо причинам не соответствует внутренним установкам первого (тогда авторское я остается объектом восприятия). Иными словами, авторское я из объекта восприятия может стать субъектом восприятия при совмещении с "я" воспринимающего субъекта. Конечно, степень уподобления может быть различной. Между воспринимающим я и авторским я существует некий психологический континуум приближения (или уподобления).

Широкая трактовка языкового эгоцентризма дана в теории дектики, разработанной Ю.С. Степановым. В ней "философия эгоцентрических слов" рассматривается как своеобразное выражение прагматического подхода к языку. Основной упор при этом делается на ведущую роль я говорящего, как исходной точки в анализе речевой ситуации. Критически рассматривая определение прагматики как раздела семиотики, который изучает "отношение использующего знаковую систему к самой знаковой системе", Ю.С. Степанов обращает внимание на то, что отношение говорящего к языковой системе "выражается - в естественном языке - в рамках самой этой системы". Введение термина "дектика" вместо распространенного термина "прагматика" вызвано, по его мнению, необходимостью отразить "отношение языка к говорящему, заключающееся в присвоении себе языка в момент - и на момент - речи" [Степанов 1985: 223-224].

В лингвистической литературе можно встретить мнение о том, что эгоцентрическая теория неадекватно отражает сущность субъективного начала в языке, что первичным прагматическим фактором в формировании языковой картины мира является субъект восприятия, а уже вторичным - субъект речи, при этом субъект восприя-

тия и субъект речи рассматриваются как два взаимосвязанных начала в человеке (в психологическом субъекте) (см., например [Кравченко 1992: 193]). Данная точка зрения заслуживает внимания в контексте познавательной деятельности человека вообще, тем более, что она вполне согласуется с философской традицией. Однако не следует забывать, что теория языкового эгоцентризма изначально формировалась с целью объективного описания "разыгрываемой речевой драмы", ее участников и их ролей - с я, как исходной точкой координат мировосприятия.

Эволюция теории языкового эгоцентризма долгое время шла экстенсивным путем, главным образом, за счет расширения перечня "эгоцентрических" слов, грамматических категорий и исследования их функций в ситуации речевого общения с ее непосредственными участниками. Интересные научные выводы в данной области, как мы полагаем, могут быть сделаны при исследовании другого аспекта я, неразрывно связанного с первым (= субъект речи), а именно - при анализе текстообразующей роли категории субъекта наблюдения/восприятия (то есть читателя, слушателя, не вовлеченного в ситуацию непосредственного общения), при рассмотрении взаимосвязи адресата речи, например, с двумя персонажами - автором и героем повести (или романа). Однако еще более многообещающие теоретические перспективы для рассматриваемой доктрины сулит обращение к изучению я в детской речи, к исследованию когнитивных структур и процессов, включая вопросы концептуализации, категоризации, концептуальной метафоры и т.д., тем более, что по данной тематике в когнитивной лингвистике за последние годы достигнуты впечатляющие результаты.

Восприятие себя как я, как сущности отдельно-самодостаточной, автономной может быть статичным, пассивно-созерцательным и рассматриваться просто как личностное самосознание либо - динамичным, предполагающим самопознание, и определяться в таком случае как личностное самоосознание. Последнее представляет собой длительный процесс. Л.С. Выготский, исследуя вопросы эгоцентрической речи, развитие научных понятий в детском возрасте, приводит в этой связи любопытный пример. «В дошкольном возрасте ребенка спрашивают: "Ты знаешь, как тебя зовут?" Он отвечает "Коля". Он не может осознать, что центр вопроса не в том, как его зовут, а в том, знает ли он, как его зовут, или не знает. Он знает свое имя, но не осознает знания своего имени» [Выготский 1996: 218-219]. Под осознанием Л.С. Выготский понимает акт сознания, предметом которого является сама же деятельность сознания. "В основе осознания, - пишет он, - лежит обобщение собственных психических процессов, приводящих к овладению ими" [Там же: 219]. Не случайно поэтому в отличие от других классов слов местоимение я, как выражающее понятие я, осознается детьми значительно позже, в первую очередь, из-за своей сложной семантической структуры.

Причина неосознанности понятий, по мнению Л.С. Выготского, заключается не в детском эгоцентризме, а в "несистематичности спонтанных понятий, которые необходимо должны быть в силу этого неосознанными и произвольными". Их осознание достигается через образование системы понятий, которая основана на отношениях общности между ними [Там же: 223]. Местоимение я долгое время для детей является "незрелым" словом. Пользуясь терминологией Л.С. Выготского, можно было бы сказать, что лишь постепенное внутреннее развитие его значения приводит к "созреванию" самого этого слова.

Важно отметить, что процесс личностного самоосознания у ребенка является вторичным, производным от формирования концепта объекта (или предметности), того, что принадлежит к сфере, определяемой как *не-я*. Осознание я, то есть рождение понятия я, осознание себя как части единого целого осуществляется опосредовано, через дифференциацию характеристик объекта, постижение его специфики, через концептуализацию и категоризацию непосредственно воспринимаемой окружающей среды.

То, что понятие я, передаваемое местоимением я, в процессе самопознания усваивается детьми не сразу, находит объяснение в том числе и в эволюции нозического пространства языков. Анализируя схему членения единой категории номинации, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что "вначале было слово", и что это слово, будучи не-

дифференцированным, диффузным именем, обозначало нечто, реферирующее к предметному миру. Лишь постепенно на основе онтологической категории предметности формировалось противопоставление имен и не-имен, предмета и не-предмета, а на основе имени и предмета рождались представления о предметах и именах разных типов [Кубрякова 1997: 265]. Таким образом, именно категория предметности лежит в основе первичной категоризации, способствует созданию в онтогенезе у ребенка первых представлений об окружающей его действительности, именно она инициирует процесс познания, неизбежным результатом которого становится образование системы понятий о мире, включая понятие я. К этому можно добавить, что в становлении последнего в дальнейшем огромную роль играют все виды общностей, в которые входит индивидуум - этническая, языковая, социально-культурная, конфессиональная, государственно-политическая, территориальная. Формируемое подобным образом самосознание, конечно же, приобретает весьма сложный характер и, как отмечает В.Б. Касевич, "любая однолинейная интерпретация, не принимающая во внимание противоречивость самоидентификации по сложнейшему набору объективно плохо противопоставленных признаков, не будет адекватной" [Касевич 1999: 78].

Новый импульс тема языкового эгоцентризма получает в связи с результатами исследований, полученными когнитивной наукой. Вновь на повестку дня ее представителями ставятся извечные вопросы человеческого бытия о природе разума, человеческого я, знании истинном и ложном и, что немаловажно, на них даются ответы, которые по целому ряду позиций идут вразрез с философской традицией. Три основных постулата, выдвигаемых когнитивной наукой, заключаются в том, что а) разум по своей природе имеет телесное воплощение (*is inherently embodied*); б) мышление осуществляется, главным образом, бессознательно; в) абстрактные концепты являются в значительной степени метафорическими (см. также по этому вопросу [Кубрякова 2001]). Комментируя их, основатели когнитивной лингвистики Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что благодаря этим открытиям философия уже больше не может оставаться прежней [Lakoff, Johnson 1999: 3]. Несомненно, что и для когнитивной лингвистики данные положения могут иметь далеко идущие последствия. Важным представляется то, что данные выводы сделаны не *a priori*, а опираются на прочную базу эмпирических данных. Чтобы понять разум, нерасторжимо связанный с телом, необходимо вникнуть в особенности функционирования сенсомоторной системы человека, нейронных структур мозга, автономно от которых мыслительная способность не существует. Мышление осуществляется, главным образом, на основе прототипов, фреймов, метафор.

Вышеуказанные выводы когнитивной науки, расширяющие теоретические основания когнитивной лингвистики, позволяют по-новому взглянуть на соотношение субъективного и объективного в языке, а также и на проблему языкового эгоцентризма. Критикуя философские теории, заявляющие, что то или иное утверждение может быть признано истинным или ложным объективно, независимо от человеческого понимания, Дж. Лакофф и М. Джонсон, ссылаясь на данные когнитивной науки, наоборот, считают, что истина постигается при помощи "телесно воплощенного понимания и воображения". Это не означает, что истина чисто субъективна или же что не существует "устойчивой истины" - просто последняя опосредована "телесным" фактором. В этом отношении существенным представляется положение о том, что наши концепты не могут быть прямым отражением внешней, объективной реальности, поскольку сенсомоторная система играет решающую роль в их формировании. С другой стороны, именно включенность сенсомоторной системы в концептуальную позволяет последней в значительной степени поддерживать связь с миром [Там же: 6,40].

В главе, специально посвященной анализу концепта я, Дж. Лакофф и М. Джонсон обращают внимание на то, что основы наших концептуальных систем, образованные благодаря телесному опыту, нейронным структурам мозга, создают ядро нашего я, которое, однако, не является монолитным. Все метафорические концепции внутренней жизни имеют иерархическую структуру, на вершине которой находится общая метафора с концептами "субъекта" и его я (*subject-self metaphor*). Субъект и его одно или не-

сколько я представляют собой два взаимосвязанных аспекта человека. Субъект рассматривается как активное, приобретающее опыт сознание, как вместительница разума, воли, рассудка - как то, что по своей природе существует только в настоящем. Что же касается я (self), то это такая часть человека, которая включает "тело, социальные роли, прошлые состояния и действия в мире". Каждое я осмысливается метафорически и предстает в виде лица, объекта или же обозначает местоположение [Там же: 269].

Опираясь на четыре типа повседневного опыта, включающих а) манипулирование объектами; б) пребывание в пространстве; в) вступление в социальные отношения и г) эмпатическое проецирование, или же проецирование себя на место других, они выделяют в составе вышеназванной общей метафоры ее пять базовых метафор. Первая из них (physical-object self) в соответствии с выполняемой функцией рассматривает я в качестве объекта со всеми присущими ему характеристиками, такими, как контроль над объектом, владение объектом (например, / *lifted my arm. I held my self back from hitting him*). Вторая метафора (locational self) предполагает рассмотрение я в качестве контейнера с субъектом, находящимся в нем или же за его пределами (*I'm beside myself I'm high as a kite. I'm on cloud nine*). Первые две метафоры, как отмечают ученые, основаны на а) корреляции между самоконтролем и контролем над физическими объектами и б) корреляции между чувством контроля и нахождением в своем привычном окружении. Третья метафора (social self) учитывает социальные аспекты отношений (/ *like myself and I like being with myself I need to be a better friend to myself. I convinced myself to stay home. I promised myself a vacation. I let myself down*). Разновидностью вышеуказанной метафоры служит метафора множественности я (multiple selves metaphor), концептуализирующая самые различные ценности человека, как проявление различных я при сохранении за последними определенных социальных ролей в отношении этих ценностей (/ *keep returning to my spiritual self I keep going back and forth between the scientist and the priest in me*). Четвертая метафора основана на эмпатическом проецировании в условиях гипотетической ситуации и встречается в структурах типа *If I were you ...* ('На твоём месте я бы...'). И, наконец, пятая метафора нашего сущностного я (essential self metaphor) предполагает существование двух я. Одно я (истинное, подлинное) полностью совместимо с нашей сущностью и всегда предстает в виде концепта лица (person). Другое я (не истинное, не подлинное) несовместимо с нашей сущностью и рассматривается либо как лицо, либо как контейнер, в котором "укрывается" первое я. Существует три разновидности вышеуказанной метафоры - а) метафора внутреннего я (inner self) (*She's sweet on the outside and mean on the inside. He retreats into his shell to protect himself*); б) метафора внешнего реального я (external real self) (*I'm not myself today I That wasn't the real me yesterday*) и в) метафора истинного я (true self) (*I'm trying to get in touch with myself*) (см. подробнее [Lakoff, Johnson 1999: 267-289]).

Разумеется, выделение вышеназванных метафор спорно. Впрочем, этого не скрывают и сами авторы, подчеркивая противоречивый характер метафор и обращая внимание на то, что в иных культурных традициях их число и номенклатура могут быть иными. Более существенным, однако, представляется другое, а именно то, что когнитивная лингвистика, как неотъемлемый компонент когнитивной науки с ее материалистическим эмпиризмом, сохраняет научную преемственность, включая в круг своих интересов в том числе вопросы языкового эгоцентризма и субъективизма, подчеркивая решающую роль индивидуума, его материально воплощенного разума в формировании значения языковых знаков.

Изучение языкового эгоцентризма, как устойчивого ядра антропоцентризма в языке, получает, таким образом, новый стимулирующий импульс. Существенным представляется то, что данная теория, от анализа незначительного числа языковых единиц, непосредственно указывающих на субъекта речи, в сферу своего влияния вовлекает все большее их число, расширяя, тем самым, эгоцентрическое пространство языка. "Эгоцентрическое" видение языка естественным образом вытекает из антропоцентрического, являясь логическим развитием последнего. Это и понятно: ведь, по сути дела, человек - это его я. Возникновение учения о языковом эгоцентризме и его

эволюция в настоящее время (особенно в русле когнитивно-дискурсивного направления в языкознании, являющегося по своей сути эгоцентрическим) есть факт весьма примечательный. Он свидетельствует о том, что понятия субъективного фактора, фактора человека в языке углубляются за счет обращения к исследованию вопросов, составляющих основу личностного самосознания и самоосознания человека, его *я*, того, как последнее отражается в языке. Рассмотрение проблемы языкового эгоцентризма в когнитивно-дискурсивном ракурсе выводит нас на новый уровень изучения когнитивно-функциональных, лингво-креативных аспектов *я* в лексике, грамматике, дискурсивной деятельности, позволяет с иных, нетрадиционных теоретических позиций взглянуть в том числе и на вопросы интроспекции, интенциональности в языке.

Со значительной долей уверенности можно сказать, что эгоцентрический подход с его базисным принципом *ego, hic et nunc*, опирающийся на нерасторжимое единство двух основополагающих начал *я* в человеке - субъекта восприятия (наблюдателя) и субъекта речевой деятельности - имеет все основания стать ведущим в практике лингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1997 - Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- Бенвенист 2002 - Э. *Бенвенист*. Общая лингвистика. М., 2002.
- Берестнев 2000 - Г.И. *Берестнев*. Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. ... дис. докт. филол. наук. М., 2000.
- Бюлер 1993 - К. *Бюлер*. Теория языка. Репрезентативная функция. М., 1993.
- Выготский 1996 - Л.С. *Выготский*. Мышление и речь. М., 1996.
- Гумбольдт 1984 - В. *Гумбольдт*. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. М., 1984.
- Касевич 1999 - В.Б. *Касевич*. Язык, этнос и самосознание // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999.
- Кравченко 1992 - А.В. *Кравченко*. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.
- Кубрякова 1995 - Е.С. *Кубрякова*. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Кубрякова 1997 - Е.С. *Кубрякова*. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова 2001 - Е.С. *Кубрякова*. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // ВФ. 2001. № 1.
- Лайонз 1999 - Д. *Лайонз*. Введение в теоретическую лингвистику. Благовещенск, 1999.
- Павиленис 1983 - Р.И. *Павиленис*. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
- Радхакришнан 1994 - С. *Радхакришнан*. Индийская философия: В 2-х томах. СПб., 1994.
- Рассел 2000 - Б. *Рассел*. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000.
- Селиверстова 1988 - О.Н. *Селиверстова*. Местоимения в языке и речи. М., 1988.
- Солсо 1996 - Р. *Солсо*. Когнитивная психология. М., 1996.
- Степанов 1985 - Ю.С. *Степанов*. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Степанов 2002 - Ю.С. *Степанов*. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья к книге Э. Бенвениста "Общая лингвистика". М., 2002.
- Шведова 1998 - Н.Ю. *Шведова*. Местоимение и смысл. М., 1998.
- Якобсон 1972 - Р. *Якобсон*. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Якобсон 1985 - Р. *Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Biber 2000 - D. *Biber et al.* Longman grammar of spoken and written English. London, 2000.
- Crystal 2001 - D. *Crystal*. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge, 2001.
- Langacker 1991 - R.W. *Langacker*. Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin; New York, 1991.
- Lakoff, Johnson 1999 - G. *Lakoff, M. Johnson*. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought. New York, 1999.